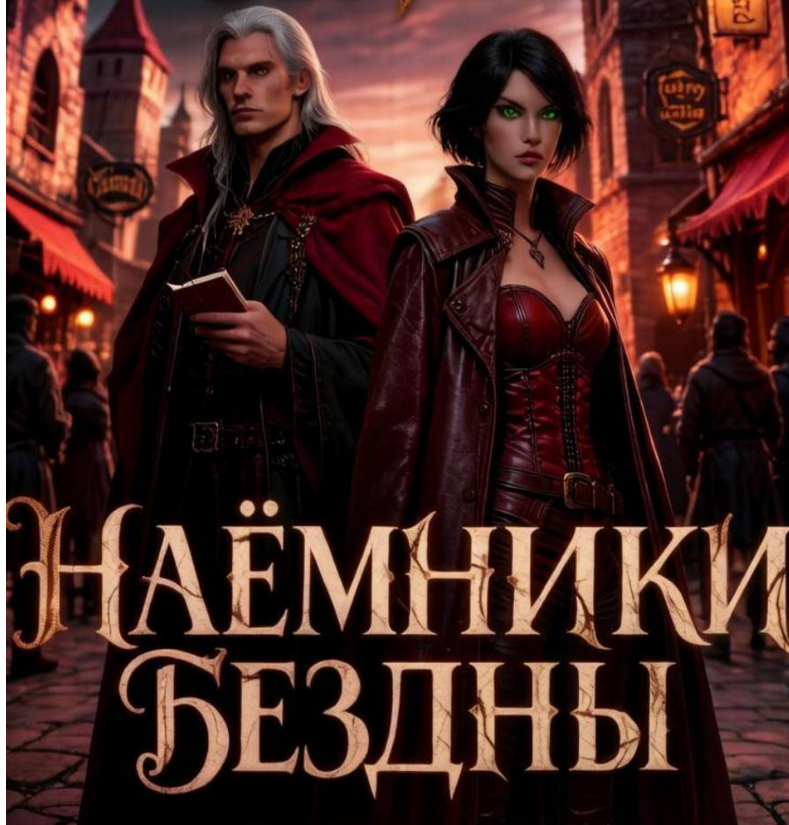

ПАТРУЩЕВ СЕРГЕЙ

НАЁМНИКИ БЕЗДНЫ

Сергей Патрушев

Наёмники Бездны

<https://litres.ru/74571158>

SelfPub; 2026

Аннотация

В умирающем мире, где солнце навсегда застыло багровым на горизонте, Кассиан Вейн — лишь «призрак», наёмник с лихорадкой в крови, а Морриган — «пепел», убийца, отравленная ядом культа. Они не спасают мир. Они просто выполняют заказы: крадут эликсиры, убивают инквизиторов и перевозят демонов.

Но когда рушатся Великие Машины и пробуждаются древние Левиафаны, их имена становятся знаменем для отчаявшихся. Чтобы выжить, им придётся спуститься в самое дно мира, сжечь заживо безумных императоров и закрыть Врата Бездны.

Багровый закат не гаснет. Боги мертвы. А у руля корабля мертвецов стоят двое самых опасных людей Империи.

Содержание

Глава 1. Багровый рассвет над трущобами	4
Глава 2. Шёпот на рынке специй	27
Глава 3. Кровь на мраморных плитах	50
Г	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Сергей Патрушев

Наёмники Бездны

Глава 1. Багровый рассвет над трущобами

Рассвет в Нижнем городе не приносил облегчения. Он не смывал ночную грязь и не разгонял липкий, пахнувший дешевым вином туман. Он лишь окрашивал его в цвет свернувшейся крови, заливая серые, покосившиеся лачуги из прогнившего дерева и залатанного ржавого железа зловещим багровым светом. Солнце здесь не грело. Оно лишь делало видимой ту гниль, которую ночь милосердно прятала во мраке.

Кассиан Вейн знал этот свет лучше, чем лицо собственной матери, черты которой давно стерлись из памяти. Он стоял, прислонившись плечом к косяку «Пьяного угря» — таверны, которая служила ему и домом, и офисом, и местом для сведения счетов. В руке он сжимал оловянную кружку с пойлом, которое хозяин гордо именовал элем. На вкус это была теплая, кислая моча, но она стоила медяк и помогала не чувствовать утренний холод, пробиравшийся сквозь тонкую кожу его поношенного плаща.

Кассиан был наемником. Не тем блистательным рыцарем в сияющих доспехах, о которых поют менестрели в Верхнем городе, за Тремя стенами. Он был псом, готовым за кость перегрызть глотку другому псу. Его работа заключалась в поиске того, что другие потеряли, и в ломании того, что другие не могли сломать сами. Левая сторона его лица от виска до подбородка была испещрена старыми, белыми шрамами — памятью о встрече с огненным магом в портовых доках три года назад. Шрамы стягивали кожу, и левый глаз, выцветший, почти белесый, щурился сам по себе, придавая лицу вечное выражение брезгливого недоверия. Правый глаз, черный и глубоко посаженный, смотрел на мир холодно и расчетливо.

— Ты будешь пить это дерьмо весь день или начнешь работать? — голос Морриган прозвучал у него над ухом, заставив поморщиться.

Она бесшумно вышла из полумрака таверны, словно сочилась из самого тумана. В отличие от сторбленных, суетливых теней Нижнего города, Морриган двигалась с хищной грацией пантеры. На ней не было доспехов, лишь плотная кожаная куртка, прошитая стальными кольцами на груди, и такие же штаны, заправленные в высокие сапоги с окованными носами. На поясе висели два тяжелых тесака, а за спиной угадывался силуэт составного лука. Ее волосы, цвета воронова крыла, были коротко острижены, открывая острые скулы и шею, на которой виднелась татуировка — черный паук в центре паутины.

— Работа требует ясной головы, Риан, — лениво протянул Кассиан, не поворачиваясь. — А моя голова сейчас требует еще кружку. Или две. В этом городе думать на трезвую голову — верный способ сойти с ума.

— Если мы не найдем денег до заката, хозяин «Угря» вышвырнет твои кости в канал. А крысам в канале плевать, трезвая у тебя голова или нет.

Морриган остановилась рядом, скрестив руки на груди. Она была его полной противоположностью: там, где он полагался на грубую силу, тяжелый арбалет и пудовые кулаки, она использовала скорость, яды и два клинка, которыми владела с пугающей эффективностью. Они работали вместе уже четвертый год, с тех пор как Кассиан вытащил ее из-под кнутов работоторговцев в Крысином квартале. С тех пор они делили кровь, добычу и редкие минуты тишины.

— Денег нет, — констатировал Кассиан. — Последний заказ на выбивание долга из кожевника оказался пшиком. У него не было ни гроша, зато было три брата-кузнеца. Мы в минусе на два выбитых зуба и порванный плащ.

— Тогда молись своим забытым богам, — Морриган кивнула в сторону входа.

К таверне брела старуха. Настоящая карга из сказок, которыми пугают детей в благополучных семьях. Горбатая, с клюкой, на которую она опиралась всем своим немощным весом. Ее лицо напоминало сморщенное печеное яблоко, а глаза-буравчики смотрели остро и безумно. Она была одута

в лохмотья, которые когда-то, возможно, были дорогим платьем — Кассиан заметил край выцветшего, но все еще качественного шелка, торчащий из-под рваной шали.

Старуха вошла в таверну. Посетители — пара спившихся грузчиков и сонный карманник — инстинктивно отодвинулись, освобождая ей путь. Нищие в Нижнем городе делились на два типа: покорные жертвы, вызывающие лишь брезгливость, и те, кто выжил на дне слишком долго, впитав в себя его безумие и жестокость. Эта старуха принадлежала ко вторым. От нее пахло не только нечистотами, но и могильной землей.

Она подошла к их столу. Не спрашивая разрешения, тяжело опустилась на скамью напротив Кассиана. Дерево под ней натужно заскрипело.

— Вейн, — прохрипела она. Голос у нее был сухой, как треск ломающихся веток. — Кассиан Вейн. И ты, Морриган. Слышала о вас. Говорят, вы находите то, что не могут найти Стражи.

— Говорят много чего, — Кассиан отодвинул кружку. — И чаще всего врут. Если ты пришла просить милостыню, мать, то мы сами на грани голодной смерти. Если пришла заказать мужа — цена начинается с золотого империала. У тебя есть золотой империал?

Старуха издала звук, похожий на сухой смешок. Она положила на стол костлявую руку. На мизинце тускло блеснул перстень с черным камнем. Единственная дорогая вещь на

ней.

— Мне не нужен мертвый муж, — сказала она. — Мне нужна живая внучка. Лили. Ей двенадцать. Тонкая, как тростинка. Волосы светлые, как лен. Глаза... глаза у нее синие, как васильки в поле. Она пропала три ночи назад.

Морриган прищурилась. В ее глазах мелькнул профессиональный интерес, смешанный с чем-то темным, опасным. — Дети пропадают в Нижнем городе каждую ночь, — ровно произнесла она. — Их жрут крысы. Их забирают в шахты. Их продают на галеры. Если у тебя нет денег нанять приличных ищеек, молись, чтобы она просто замерзла в канаве. Смерть в канаве — это милосердие.

— Я знаю, где она, — старуха подалась вперед. От нее пахло сыростью. — Я слышала. Слышала, как шепчутся крысы в стоках. Слышала, как смеются пьяные мясники. Ее забрали в «Бархатную клетку».

Кассиан замер. «Бархатная клетка». Это название не проносили вслух в приличном обществе. Это было не просто подпольное заведение. Это был самый грязный, самый закрытый и самый дорогой бордель в трущобах, спрятанный в катакомбах под Старым рынком. Местечко для истинных ценителей порока. Место, где покупали не просто плоть, а боль и страх. И, по слухам, именно там специализировались на самом омерзительном товаре — детях.

— Ты бредишь, мать, — голос Кассиана стал жестким. — «Клетка» не берет заказы от старух в лохмотьях. Туда вхо-

дят по рекомендации лордов. Золото там взвешивают на аптекарских весах. Твоя внучка, если она и там, стоит больше, чем твой перстень, твой дом и твои потроха вместе взятые.

— У меня есть золото, — старуха не моргнула. — Я копила его всю жизнь. Продавала травяные сборы, гадала по требухе, воровала кошельки на площади. У меня есть сто серебряных марок. Отдам все. Принесите мне Лили. Живую.

Сто серебряных марок. Кассиан медленно выдохнул. Это были не просто деньги. Это было целое состояние для Нижнего города. Этого хватило бы, чтобы купить документы, перебраться через Нижние ворота в ремесленные кварталы и начать новую жизнь. Или купить лучшее снаряжение, арендовать нормальную контору. Это был билет из ада.

— Сто марок вперед, — сказал он. Слова дались ему тяжело. Он ненавидел этот торг, но принципы стоили дороже совести.

— Половина сейчас, — мгновенно ответила старуха. — Половина, когда я обниму внучку. Я не дура, Вейн. Я знаю, что люди вроде вас могут взять деньги и уйти в закат. Пятьдесят марок сейчас. Вот.

Она достала из-под лохмотьев потертый кожаный мешочек. Звук падающих на грязный стол монет был для Кассиана слаще любой музыки. Он развязал тесемку. Внутри тускло поблескивали серебряные кругляши. Он взял одну, надкусил. Настоящая. Не свинец.

— Морриган, пересчитай, — бросил он.

Пока Морриган сноровисто ссыпала монеты и проверяла их на зуб, Кассиан смотрел на старуху. Что-то в этой истории не сходилось. Откуда у полоумной нищенки такие деньги? И почему она так уверена, что внучку не пустили на органы или не перепродали уже в порт?

— Как она пропала? — спросил он.

— Вышла за водой к колонке на площади Трех Фонтанов. И не вернулась. Я ждала до темноты. А потом... потом я пошла к Страже.

Морриган, закончившая считать, подняла голову. В ее взгляде появилось понимание. — И Стража посоветовала тебе забыть о внучке, — закончила она за старуху.

— Сержант Кроули, — с ненавистью прошипела старуха. — Жирная свинья. Сказал, что Лили, наверное, сбежала с каким-нибудь матросом. Сказал, что если я еще раз приду с этой чушью, он заберет меня в казематы за клевету. Я видела его глаза, Вейн. Он знал. Он все знал.

Кассиан выругался сквозь зубы. Сержант Кроули. Глава патруля в их секторе. Человек, чья коррумпированность была притчей во языцех. Он брал взятки за все: за право торговать без лицензии, за право не платить налоги, за право избить соседа. Если внучка попала в «Клетку», без ведома Кроули это сделать было невозможно. Сержант получал свою долю с каждого корабля рабов, с каждого притона и с каждого борделя. «Бархатная клетка» была его личной золотой жилой.

— Мы не воюем со Стражей, мать, — тихо сказал Кассиан. — Это самоубийство. Кроули держит этот район. У него два десятка людей с алебардами. Если мы просто придем в «Клетку» и начнем задавать вопросы, нас нашпигуют болтами еще на подходе. А если мы тронем Кроули...

— Мне плевать на Кроули! — старуха ударила клюкой по полу. Дерево треснуло. — Мне плевать на Стражу, на короля и на всех демонов Бездны! Принеси мне мою Лили! Если вы боитесь Кроули, я найду других. Говорят, в порту есть люди из Гильдии Ножей. Они не боятся никого.

Упоминание Гильдии Ножей было ударом ниже пояса. Профессиональная гордость, давно похороненная под слоем цинизма и дешевого пойла, болезненно шевельнулась в груди Кассиана. Он посмотрел на Морриган. Она встретила его взгляд. В ее темных глазах не было страха. Только холодный расчет.

— Гильдия Ножей берет двести марок за такой заказ, — сказала Морриган старухе. — И не дает гарантий, что товар не испортят при транспортировке. Мы сделаем это. Но нам нужно знать вход.

— Я знаю вход, — старуха наклонилась еще ниже, переходя на шепот. — Старый рынок. Склад пряностей, который сгорел в прошлом году. В подвале, за бочками с гнилым зерном, есть люк. Он не запирается. Охрана «Клетки» считает, что снаружи к ним попасть нельзя. Они охраняют только внутренние переходы из катакомб.

— Ловушка? — спросил Кассиан. — Если бы это была ловушка, вы бы уже лежали здесь с перерезанным горлом, — отрезала Морриган. — Она говорит правду. Или часть ее. В любом случае, пятьдесят марок мы уже взяли. Пути назад нет.

Она была права. Кодекс наемников был прост: взялся — делай. Или умри, пытаясь.

— Хорошо, мать, — Кассиан сгреб оставшиеся монеты обратно в мешочек и протянул его старухе. — Спрячь это. Если мы не вернемся до заката, считай это платой за наши похороны. Если вернемся с девочкой — спрячься. Не ходи по улицам. Жди нас в старой часовне у Сожженного моста. Знаешь, где это?

Старуха кивнула, вцепившись в серебро костлявыми пальцами. — Знаю. Да хранят вас Безмолвные.

Она встала, опираясь на клюку, и, сгорбившись еще сильнее, побрела к выходу. Как только за ней закрылась тяжелая дубовая дверь, атмосфера в таверне изменилась. Грузчики перестали храпеть, карманник растворился в толпе. Хозяин за стойкой начал усердно протирать и без того чистую кружку, старательно не глядя в их сторону.

Кассиан одним глотком допил остатки теплого эля и встал. Суставы хрустнули. — «Бархатная клетка», — процедил он, проверяя, легко ли выходят тесаки из ножен. — Я думал, это просто страшилка для богатых ублюдков, чтобы те чувствовали себя искателями приключений, спуская зо-

лото на обычных шлюх.

— Это не страшилка, — Морриган уже проверяла тетиву своего лука. — Я слышала о ней. Хозяина зовут мадам Сола-ра. Говорят, она сама из бывших игрушек. Выжила и построила империю на чужом отчаянии. Она не берет пленных. Ее охрана — это не просто вышибалы. Это мясники, которым нравится их работа.

— И у них есть маг, — добавил Кассиан. — Тихий. Никто не знает его имени. Он глушит крики так, что наверху, на рынке, слышно только, как торгуются за тухлую рыбу. И он ставит метки на тех, кто входит без спроса.

— Значит, идем тихо, — Морриган закинула лук за спину. — Через Старый рынок. Сейчас полдень. Там будет полно народу. Затеряемся в толпе.

— Рынок — это хорошо, — Кассиан накинул на плечи тяжелый кожаный плащ. — Но Кроули не дурак. Если он пасет «Клетку», его люди будут и на рынке. Он любит нанимать карманников, чтобы те слушали, о чем говорят торговцы. Если он узнает, что мы идем за его золотым яйцом...

— Значит, мы не должны дать ему узнать, — Морриган надела капюшон, полностью скрыв свое лицо в тени. — Идем. И, Кассиан...

Она остановилась в дверях, и багровый свет рассвета очертил ее силуэт, сделав похожей на вестницу смерти. — Если мы найдем девочку... если она... если с ней сделали то, о чем шепчутся... Ты знаешь правила. Мы не возвращаем

сломанные вещи. Старуха получит свои деньги, но внучку ей лучше не ждать.

Кассиан ничего не ответил. Он лишь поправил перевязь с арбалетом и шагнул в кровавый туман утра.

Старый рынок встретил их какофонией звуков, запахов и красок. Это было сердце трущоб, бьющееся в ритме торга и отчаяния. Здесь продавали все: от свежее выпеченного, но испеченного на опилках хлеба, до зачарованных амулетов, которые переставали работать на второй день. Воздух был густым от запаха жареного мяса неизвестного происхождения, приторной вони благовоний, перебивающих смрад нечистот, и дешевого парфюма уличных девок.

Кассиан и Морриган двигались против течения толпы. Они не держались за руки и не обменивались взглядами, но их связь была отточена сотнями боев. Они были единым механизмом. Морриган скользила по краю людского потока, ее взгляд сканировал крыши, окна вторых этажей и темные переулки — места, где могли прятаться арбалетчики. Кассиан шел по центру, его массивная фигура работала как таран, а периферийное зрение выхватывало лица: слишком внимательные глаза, руки, спрятанные под плащом, неестественную расслабленность.

— Три часа дня, — тихо бросила Морриган, поравнявшись с ним у лотка с дешевыми снадобьями. — Смена караула у Кроули. Его люди сейчас сонные и злые. Идеальное время.

— Вижу, — процедил Кассиан.

Впереди, у поворота в переулок, где обычно дежурил патруль, топтались двое Стражей. Один, молодой и тощий, ковырял в зубах щепкой. Второй, квадратный, как бочка, опирался на алебарду и с ленивым интересом провожал взглядом каждую проходящую мимо женщину. На их нагрудниках красовался герб города, но выглядели они как обычные бандиты, которым выдали форму.

Они прошли мимо, не сбавляя шага. Кассиан почувствовал, как взгляд «бочки» скользнул по его лицу, задержался на шрамах, на рукояти тесака. Сержант Кроули наверняка раздал их приметы всем своим людям после того случая с кожевником. Но сегодня Стражам было лень. Солнце пекло нещадно, а до конца смены оставалось всего ничего. Они отвернулись, потеряв интерес.

Сгоревший склад пряностей стоял на отшибе, за рядами торговцев живым товаром — птицами в ржавых клетках и тощими собаками. Обугленный остов здания все еще вонял химией и гарью. Двери были заколочены гнилыми досками, но замок висел лишь для вида.

Морриган нырнула в тень склада. Кассиан последовал за ней. Внутри царил полумрак, прорезаемый лишь тонкими лучами света сквозь дыры в крыше. Под ногами хрустел пепел и битое стекло. Пахло мышами и застарелой сыростью.

— Здесь, — шепнула Морриган.

Она указала на гору прогнивших деревянных бочек в уг-

лу. Они подошли ближе. Морриган опустилась на колени, провела рукой по полу. — Пыль лежит ровным слоем, — сказала она. — Но вот здесь, у края бочки, она потревожена. И запах... Чувствуешь? Железо и деготь. Свежий. Люк открывали сегодня утром.

Кассиан подошел, поддел кончиком тесака край тяжелой дубовой крышки. Та поддалась с глухим, влажным чавканьем. Внизу, в абсолютной темноте, угадывались каменные ступени, уходящие глубоко под землю. Из провала пахло холодом, плесенью и чем-то сладковато-тошнотворным. Запах дорогих духов, смешанный с запахом болезни и немытого детского тела.

— Свет, — скомандовал Кассиан.

Морриган достала из поясной сумки маленький флакон с густой, светящейся синим жидкостью. Она капнула одну каплю на наконечник стрелы, наложила ее на тетиву и спустила. Стрела с тихим свистом ушла во тьму, ударилась о стену внизу и прилипла, залив нижнюю площадку мертвенно-синим светом.

Кассиан начал спускаться первым. Каменные ступени были скользкими от слизи. Его рука то и дело касалась стен — они были теплыми. Слишком теплыми для подземелья. Где-то внизу работала магия. Или горели печи.

Они спустились на два пролета и оказались в узком каменном коридоре. Стрелу Морриган оставила гореть наверху, здесь же тьма была почти абсолютной. Кассиан зажег хи-

мический фонарь — крошечную стеклянную колбу, внутри которой смешались два реагента, дав тусклый, но достаточный зеленоватый свет.

Коридор был идеально прямым. Стены были выложены гладким, черным камнем, которого Кассиан никогда не видел в местных каменоломнях. — Это не трущобы, — прошептал он. — Это строили не люди.

— Это строили те, у кого были деньги, — ответила Морриган. — Идем. И держи свой арбалет наготове. Я чувствую... впереди много людей. И они не спят.

Коридор вывел их в широкий тоннель, который когда-то был частью старой канализационной системы. Теперь же он был переоборудован. В стенах горели масляные лампы в кованых решетках, освещая утопанный до каменной твердости пол.

Они слышали музыку. Тихую, тягучую, исполняемую на каком-то струнном инструменте. Мелодия была красивой, но от нее по спине бежали мурашки. Она ублаживала, лишала воли.

— Сонная пыль, — Морриган достала из кармана две пробки, затянутые промасленной тканью. — Зажми нос. Не дыши ртом.

Они вставили пробки. Теперь музыка звучала глухо, как сквозь воду.

Впереди показался перекресток. И там, под светом красной лампы, стоял охранник.

Это был не просто вышибала. Это был голем. Или человек, доведенный до состояния голема. Огромная гора мышц, бугрящихся даже под мешковатой рубахой. Его лицо было абсолютно лишено эмоций, глаза — мутные, белесые. На обнаженных предплечьях виднелись следы от игл — магические инъекции, повышающие болевой порог и силу.

Охранник стоял, прислонившись к стене, и методично точил мясницкий тесак размером с короткий меч. Скрежет камня о сталь в мертвой тишине подземелья звучал как скрежет зубов.

— Моя работа, — одними губами сказала Морриган. — Левый глаз. Потом сонная артерия.

Она начала обходить перекресток по широкой дуге, прижимаясь к стене. Кассиан остался на месте, готовый в любой момент броситься вперед, если тварь заметит ее.

Морриган двигалась как вода. Ее шаги не издавали ни звука. Она зашла гиганту за спину. В ее руках блеснули два тонких стальных шипа — «поцелуи вдов».

Кассиан затаил дыхание.

Морриган сделала выпад. Это было одно движение: шаг вперед, толчок ногами и удар обеими руками. Левый шип вошел гиганту в глаз по самую рукоять. Правый — глубоко под челюсть, в ту точку, где сходятся нервные узлы.

Гигант не издал ни звука. Он не вскрикнул, не дернулся. Его руки разжались, тесак с лязгом упал на пол. Он начал медленно оседать, словно из него вытащили невидимый

стержень. Морриган подхватила его под мышки, не давая телу рухнуть с грохотом, и аккуратно опустила на камни.

Она вытерла шипы о его рубаху и жестом позвала Кассиана.

— Путь чист, — прошептала она, когда он подошел. — Но впереди голоса. Много. И детский плач.

Кассиан кивнул. Зеленоватый свет фонаря выхватил из темноты массивную дубовую дверь в конце коридора. Из-за нее доносились звуки, от которых у нормального человека застыла бы в жилах кровь. Хохот. Звон бокалов. И тот самый плач — тихий, безнадежный, прерываемый сдавленными всхлипами.

— «Бархатная клетка», — выдохнул Кассиан, и в его голосе впервые за долгие годы прозвучал не цинизм, а глухая, первобытная ярость. — Мадам Солара. Мы идем за твоими деньгами, сука. И за твоей головой.

Он крепче сжал рукоять тесака, шагнул к двери и пнул ее ногой.

Тяжелые створки распахнулись с грохотом, разбивая магию тягучей музыки и уюта.

За дверью оказался огромный зал, вырубленный в скале. Потолок поддерживали колонны в виде переплетенных обнаженных тел. В огромном камине в конце зала ревело магическое пламя, окрашивая все в адские оттенки.

И первое, что увидел Кассиан, переступив порог, был сержант Кроули.

Жирная свинья сидела в глубоком кресле у самого камина. Его мундир был расстегнут, на коленях у него извивалась полуобнаженная девушка лет шестнадцати, не старше. В руке Кроули держал бокал с вином.

Он поднял глаза на ворвавшихся. Увидел Кассиана, его арбалет, направленный прямо в его заплывший жиром лоб. Увидел Морриган, застывшую в тени у косяка, ее клинки уже были в руках.

Улыбка медленно сползла с лица сержанта. Бокал в его руке дрогнул, и рубиновое вино выплеснулось на колени кричащей от ужаса девицы.

— Вейн... — прохрипел Кроули, и его голос, обычно громоподобный, сорвался на визг. — Ты покойник! Ты не представляешь, с кем связался!

— Представляю, — голос Кассиана прозвучал в зале громче, чем треск пламени. — Я связался с человеком, который сегодня потеряет свою долю. И свою жизнь.

Вокруг началась суматоха. Клиенты — разодетые в шелка и бархат господа, лица которых были скрыты масками — вскакивали с мест. Охранники, стоявшие по периметру зала, начали обнажать оружие.

Но Кассиан смотрел только на Кроули. И на дверь слева от камина, обитую красным бархатом. Ту, за которой, по законам таких заведений, держали самый дорогой товар.

— Морриган, — бросил он, не оборачиваясь. — Режь свиней. Я за посылкой.

Он нажал на спусковой крючок арбалета.

Болт с глухим чавканьем вошел Кроули точно между глаз. Сержант дернулся, опрокидывая кресло, и повалился на ковер, заливая его кровью и вином.

В ту же секунду зал «Бархатной клетки» утонул в крови.

Морриган была уже в движении. Она не бросилась в толпу. Она прыгнула на колонну, используя ее как трамплин, оттолкнулась ногами от лепнины и оказалась на балконе для музыкантов, опоясывающем зал. Оттуда, сверху, она начала сеять смерть. Ее тесаки, смазанные черным ядом, мелькали с невероятной скоростью. Первый охранник, попытавшийся выстрелить из арбалета вверх, рухнул с перерезанным горлом. Второй, с мечом наголо, получил удар в колено, а затем острое клинка вошло ему в основание черепа.

Кассиан ворвался в толпу внизу. Он не пытался фехтовать. Он был мясником на бойне. Его первый удар тесаком развалил плечо богатому клиенту, который попытался достать из-за пояса кинжал. Второй удар снес половину лица охраннику. Кассиан двигался к красной двери, используя мертвые и раненые тела как живой щит.

В зале царил хаос. Кто-то кричал, кто-то пытался ползти к выходу, поскользываясь на кишках. Магическое пламя в камине вспыхнуло ярче, реагируя на пролитую кровь.

Кассиан добрался до двери. Он ударил в нее плечом раз, другой. Дерево, обитое тканью, оказалось крепким. Тогда он отступил на шаг и ударил ногой в замок.

Дверь распахнулась.

В комнате было тихо. Пахло лавандой и антисептиками. Стены были обиты мягким войлоком. На полу, свернувшись калачиком, сидела девочка.

Она была одета в тонкую, почти прозрачную ночную рубашку. Ее светлые волосы слиплись от грязи и крови. Но Кассиан узнал ее. Синие, как васильки, глаза смотрели на него с дикой, животной пустотой. Лили.

— Тихо, — сказал Кассиан, опускаясь на одно колено. Он старался, чтобы его огромная тень не пугала ее еще больше. — Я от твоей бабушки. Мы уходим.

Девочка не ответила. Она лишь вжалась в стену, ее губы беззвучно шевелились.

За спиной Кассиана прогремел взрыв. Пол под ногами дрогнул. Это маг. Кассиан выругался. Мадам Солара спустила своего цепного чародея.

— Держись за меня, — Кассиан схватил Лили за руку. Рука была ледяной. — Не отпускай.

Он вытащил ее в зал. Картина изменилась. Морриган спустилась с балкона и теперь стояла спиной к спине с Кассианом, образовав в центре зала островок относительной безопасности. Вокруг них валялись трупы. Из десятка охранников и клиентов на ногах остались лишь трое, и те были зажаты в углу, не решаясь атаковать.

Но в дальнем конце зала, у стойки бара, стояла женщина. Мадам Солара. Она не выглядела как хозяйка борделя.

Высокая, худая, с кожей цвета слоновой кости. На ней было платье из черного шелка, которое, казалось, поглощало свет. Ее лицо было скрыто за серебряной маской, изображающей плачущего ангела. В руках она держала не оружие. Она держала хрустальный жезл, увитый живыми, пульсирующими венами.

— Какая досада, — ее голос прозвучал в голове у Кассиана, минуя уши. Мягкий, бархатный, гипнотический. — Вы испортили мне вечер. И убили моего лучшего клиента. А ведь сержант Кроули так хорошо платил за тишину.

— Твой клиент сдох, Солара, — крикнула Морриган, тяжело дыша. По ее щеке текла кровь — царапина от сорвавшегося болта. — И ты сейчас откроешь нам черный ход, или я выколю тебе глаза твоим же жезлом.

Солара рассмеялась. Смех был похож на звон разбивающегося стекла. — Бедная, глупая девочка. Ты думаешь, это просто палка?

Она подняла жезл. Пульсация на нем усилилась. Из кончика ударил луч не света, но абсолютной, поглощающей тьмы. Он не летел, как молния. Он просто возник, соединяя жезл и грудь Морриган.

Морриган вскрикнула. Ее тесаки выпали из ослабевших рук. Она схватилась за грудь, ее глаза закатились. Она начала оседать на пол, задыхаясь, словно невидимая рука вырвала ей легкие.

— Морриган! — рванулся Кассиан.

Он вскинул арбалет, но Солара лишь повела пальцем. Тяжелая люстра из кованого железа, висевшая под потолком, с оглушительным треском рухнула прямо перед Кассианом, отрезая его от напарницы.

Кассиан остался один. С девочкой на руках. И с магом, который только что выключил из игры единственного человека, способного с ним справиться.

— Отдай мне ребенка, Вейн, — Солара сделала шаг вперед. Венозный узор на ее жезле запульсировал быстрее. — И я позволю тебе уйти. Я даже заплачу. Ты мне всегда нравился. В тебе есть... стиль. А твою подружку мы подлечим. Сделаем из нее отличную игрушку для особых гостей. Она будет умолять о смерти, но не получит ее.

Кассиан посмотрел на Лили. Девочка вцепилась в его плащ мертвой хваткой. Ее синие глаза впервые сфокусировались на нем. В них не было благодарности. В них был такой же холодный расчет, как и у него самого. Она понимала, что этот окровавленный, страшный человек — ее единственный шанс.

Он посмотрел на Морриган. Она все еще дышала, но ее кожа стремительно серела. Яд или магия паралича. У них было не больше минуты.

— Знаешь, что я ненавижу в этом городе, Солара? — тихо сказал Кассиан. — Я ненавижу, когда мне указывают, что делать.

Он не стал ждать ответа. Он не стал пытаться пробить ма-

гическую защиту Солары — это было бы самоубийством.

Он посмотрел вверх. На потолочную балку, где крепилась упавшая люстра. И на резервуар с очищенной водой для нужд борделя, который он заметил в углу за стойкой — огромный медный чан, нагреваемый магической руной.

Кассиан перекинул Лили через плечо, как мешок. Девочка пискнула, но не сопротивлялась. — Закрой глаза, — бросил он ей.

А затем он побежал. Не к выходу. Не к Соларе. Он побежал к стойке бара.

Солара ударила снова. Луч тьмы ударил в пол там, где Кассиан стоял секунду назад. Мрамор взорвался острыми осколками.

Кассиан запрыгнул на барную стойку, пробежал по ней, смахивая бутылки с дорогим вином. Солара ударила в третий раз. Луч прошел в дюйме от его плеча, испарив несколько бутылок. В воздухе запахло жженым виноградом и серой.

Кассиан достиг края стойки. До чана было пять шагов по открытому пространству. Солара уже поднимала жезл для финального удара.

— Гори все огнем, — прошептал Кассиан.

Он швырнул Лили. Не в чан. В сторону, на гору опрокинутых мешков с перьями, которые смягчили падение.

А сам, вложив всю массу своего тела, прыгнул на медный чан.

Он врезался в него плечом. Медь с оглушительным зво-

ном лопнула.

Сто галлонов кипящей, магически нагретой воды обрушились на пол зала.

Это был не просто кипяток. Это был гейзер. Вода попала на руну, нагревавшую чан. Произошел микровзрыв.

Солару окатило первой. Ее крик — настоящий, человеческий, полный боли — был музыкой для ушей Кассиана. Серебряная маска слетела с ее лица, обнажив изуродованную шрамами кожу. Вода растворяла ее дорогое платье, а пар сжигал плоть. Жезл в ее руках зашипел и погас. Магия требовала концентрации, а концентрация покинула ее вместе с кожей.

Кассиан, обожженный, ослепший от боли, перекатился по мокрому полу. Его левая сторона, и без того изуродованная, приняла на себя основной удар кипятка. Он не чувствовал боли — адреналин и ярость выжгли ее.

Он увидел Солару. Она стояла на коленях, крича, пытаясь стереть с лица кипящую воду.

Кассиан поднялся. В его руке был тяжелый тесак. Он подошел к мадам «Бархатной клетки» и, не говоря ни слова, опустил лезвие на ее шею.

Удар был неаккуратным. Кость не поддавалась с первого раза. Потребовалось три удара, прежде чем голова в серебряной

Глава 2. Шёпот на рынке специй

Запах Нижнего города после бойни в «Бархатной клетке» казался Кассиану слаще благовоний Верхнего храма. Смесь гнили, нечистот и дешевого жареного мяса была в ноздри, но это был запах жизни. Запах мира, где он все еще мог дышать.

Левую сторону его лица и груди стягивало огненной коркой. Медик, которого они нашли в трущобах — беззубый старик, пахнувший перегаром и сушеной полынью, — вылил на ожоги целую бутылку самогона и присыпал их порошком из толченых жуков. Кассиан не проронил ни звука, лишь скрипел зубами, пока Морриган держала его за руки, не давая вырваться.

— Жить будешь, — констатировал старик, закончив перевязку грязными, но чистыми тряпками. — Но шрамы останутся. Если сухожилие на плече не срастется правильно, левой рукой ты сможешь только чесать задницу. И не пей три дня, иначе яд из ожогов ударит в голову. Будешь видеть демонов. — Я и так их вижу каждый раз, когда смотрю в зеркало, — прохрипел Кассиан, натягивая свежую рубаху на обожженную кожу.

Девочка, Лили, сидела в углу комнаты. Она не плакала. С того момента, как Кассиан вынес ее из горящего, залитого кровью подвала, она не произнесла ни слова. Она просто смотрела в одну точку, и ее синие глаза стали похожи на два

осколка зимнего льда. Старуха-нищенка ждала их в часовне у Сожженного моста, как и было велено. Когда Кассиан толкнул к ней сверток из одеял, внутри которого пряталась Лили, старуха не бросилась обнимать ребенка. Она лишь взгляделась в пустые глаза внучки, кивнула, словно подтверждая свои худшие догадки, и молча приняла мешочек с оставшимся серебром. Она ушла в туман, не сказав «спасибо». Кассиан был ей за это почти благодарен.

Теперь у них было золото Кроули — тяжелый кошель, снятый с еще теплого тела сержанта. Этого хватило бы, чтобы купить домик в ремесленном квартале и забыть о трущобах навсегда. Но золото имеет свойство заканчиваться, а привычки — нет.

Через три дня, когда боль в плече сменилась изматывающим зудом, а кожа начала сходить лохмотьями, они снова сидели в «Пьяном угре».

— Нам нужен заказ, — сказала Морриган, катая по столу пустой оловянный стакан. — Хороший заказ. Тот, что мы провернули для старухи, принес нам славу. Теперь нас боятся, но и ищут. Стража Кроули осатанела, они переворачивают каждый стог сена. Гильдия Ножей прислала весточку: они не в восторге, что мы перебили их хлеб в «Клетке». Нам нужно залечь на дно, а для этого нужны деньги.

— Я не пойду выбивать долги из пекарей, — отрезал Кассиан. — Мое плечо не для того, чтобы ломать пальцы должникам. Мне нужна сталь. Или магия.

Именно в этот момент к их столу подошла тень.

Человек был одет в кафтан из плотного, темно-синего сукна, на котором не было ни пылинки — невозможная роскошь для Нижнего города. Его сапоги из мягкой кожи ступали бесшумно. На пальцах, когда он оперся о стол, блеснули перстни с камнями такой чистоты, что они казались осколками чужих миров. Но самым странным было его лицо. Оно было абсолютно, неестественно спокойным. Ни страха, ни безразличия, ни любопытства. Пустая маска.

— Вейн, — голос у него был тихий, с легким, едва уловимым акцентом, какого Кассиан раньше не слышал. Слова перекатывались во рту, как гладкая галька. — И госпожа Морриган. Меня зовут Зарион. Я торгую тем, что нельзя купить на прилавках Рынка пряностей.

Морриган мгновенно напряглась. Ее рука скользнула под стол, к рукояти тесака. — Если ты торгуешь дурью, Зарион, то ты ошибся дверью. Мы не ищем забвения. Мы его продаем.

Зарион едва заметно улыбнулся кончиками губ. — Я знаю, кто вы. Именно поэтому я здесь. Мне нужны люди, которые не боятся испачкать руки, но при этом умеют держать язык за зубами. У меня пропала вещь. Весьма специфическая. И весьма опасная.

— Насколько опасная? — спросил Кассиан, откидываясь на спинку скамьи. Плечо тут же отозвалось тупой болью. — Достаточно опасная, чтобы я платил пятьдесят золотых им-

периалов. Вперед. И еще пятьдесят по возвращении флакона.

В таверне стало тихо. Пятьдесят империалов. Это была не просто удача. Это была насмешка судьбы. Этого хватило бы, чтобы нанять целую армию головорезов или купить баронский титул в каком-нибудь захудалом приграничье.

— Что во флаконе? — Морриган смотрела прямо в глаза торговцу, пытаясь уловить малейшую дрожь зрачков. — И почему ты не идешь к магам из Гильдии? У них есть ищущие чары. — Гильдия — это первое место, куда я обратился, — кивнул Зарион. — Их ищущие сказали, что флакон не излучает магической ауры. Он пуст для их взора. Но это не значит, что он пуст внутри. Маги отказались искать пустоту. А я знаю, что вы ищете то, что скрыто.

— Местоположение? — Кассиан уже прикидывал, какое оружие взять. — Он был украден вчера на рассвете. Из моего склада в квартале Шелкопрядов. Вор... вор оставил после себя троих моих лучших охранников. Они живы, но их разум пуст. Они смотрят в стену, пускают слюни и не помнят своих имен.

Пустые разумом. Кассиан переглянулся с Морриган. Это пахло не просто воровством. Это пахло очень старой и очень грязной магией. — Как он выглядит? — Хрусталь. Черный, как обсидиан, но прозрачный на свету. Внутри — жидкость. Густая, цвета застывшей крови. Объем — примерно с большой палец. Флакон запечатан сургучом с моей печатью —

голова василиска.

— Почему он так важен? — Морриган не отступала. — Пятьдесят империалов за склянку? Даже если она наполнена драконьей спермой, это перебор.

Зарион помолчал, оглянувшись на стойку. Хозяин «Угря» делал вид, что протирает кружки, но Кассиан видел, как дрожат его руки. — Это «Эссенция забвения», — тихо произнес торговец. — Древний алхимический реагент. Тот, кто выпьет его, теряет не память. Он теряет волю. Он становится идеальным сосудом. Глиной, из которой можно вылепить что угодно. Раба, который не чувствует боли. Солдата, который не знает страха. Убийцу, который не помнит лица жертвы.

— Зомби, — выдохнула Морриган. — Гораздо хуже, — голос Зариона стал ледяным. — Зомби мертвы. А те, кого коснулась Эссенция, живы. Они едят, пьют, чувствуют тепло солнца... но внутри них никого нет. Я использую ее для... деликатных переговоров с поставщиками. Одна капля в вино, и самый несговорчивый купец подписывает кабальный контракт с улыбкой на лице. Но если эта вещь попадет не в те руки... Представьте армию, которую не нужно кормить жалованием. Которая не бунтует. Которая идет на копья, пока не превратится в фарш.

Кассиан почувствовал, как по спине пробежал холодок, не имеющий отношения к ожогам. Он видел войну. Он видел, как людей превращают в скот. Эссенция была апогеем

этого скотства. — Почему украли только один флакон? — спросил он. — Если ты торговец, у тебя должен быть ящик. — У меня был один флакон, — Зарион сжал край стола так, что побелели костяшки. — Я привез его из-за Жемчужного моря. Там, на островах, его добывают из мозгов утопленников, сошедших с ума от одиночества. Это редчайший яд. Я привез его, чтобы продать одному... коллекционеру в Верхнем городе. Сделка сорвалась. Я оставил флакон на складе. А ночью пришли они. — Они? — Я не видел лиц. Мои люди говорят, что их было двое. Один... огромный. Двигался, как медведь. Второй — тень. Его не видели, только чувствовали холод. Они не взяли ни шелка, ни пряностей, ни золота. Только флакон.

— Пятьдесят сейчас, — Кассиан протянул руку. Зарион достал из внутреннего кармана тяжелый бархатный кошель и положил его на стол. Звук удара золота о дерево был весомым. — Склад Шелкопрядов. Спросите там любого, где найти руины сгоревшей шелкопрядильни. Я буду ждать вас там на закате. Принесите мне флакон. И если увидите, что кто-то еще... *использует* его... Остановите их. Любыми средствами.

Зарион встал и растворился в полумраке таверны так же бесшумно, как и появился.

— Шелкопряды, — Морриган взяла кошель, взвесила его на руке и спрятала в сапог. — Самый вонючий и самый запутанный квартал после Крысиного. Там можно спрятать це-

люю армию, и никто не услышит. — Там пахнет потом, гнилым коконом и жареным мясом, — кивнул Кассиан, морщась от боли в плече. — И еще там Рынок специй. Если флакон пуст для магического поиска, его нужно искать носом. Эссенция... я читал о ней в старых книгах в замке ди Фальконе. Она пахнет жженым сахаром и медью. Слишком приторно для трущоб.

— Значит, ищем приторность, — Морриган поднялась. — Идем. У нас есть световой день, пока этот Зарион не начал нанимать головорезов по всему городу. И нам нужно зайти к кузнецу. Твои лохмотья на плече не выдержат хорошего удара.

Рынок специй в квартале Шелкопрядов был раем и адом одновременно. Узкие улочки, по которым едва могли разойтись два человека, были превращены в бесконечные торговые ряды. С потолка свисали связки сушеного перца чили, от которого слезились глаза. Под ногами хрустела шелуха от чеснока и имбиря. Воздух был настолько плотным от ароматов корицы, кардамона, шафрана и мускатного ореха, что его, казалось, можно было резать ножом.

Но под этой пряной завесой скрывалась истинная вонь квартала. Здесь, в подвалах и на задворках, стояли чаны, где варили шелковые коконы. Запах кипящей белковой массы, смешанный с едким потом рабов, крутивших огромные колеса мотовил, создавал тошнотворный фон, от которого вы-

ворачивало желудок.

Кассиан и Морриган шли сквозь эту толпу, как нож сквозь масло. Их вид — окровавленные плащи, шрамы, тяжелый взгляд — заставлял торговцев спешно убирать с прилавков самый дешевый и гнилой товар, опасаясь, что наемники решат «проверить» его качество на владельце.

— Жженный сахар, — бормотал Кассиан, прикрывая нос платком. — Или медь. — Здесь пахнет всем, — огрызнулась Морриган, сканируя крыши. — И везде ворье. Держи кошель ближе к телу.

Они начали с портовых притонов, где ошивались грузчики. Если флакон украли громила и тень, громила мог похвастаться добычей перед дружками. В таверне «Пьяная устрица», где полы были липкими от пролитого рома, они нашли первого свидетеля.

Старый докер, чью татуировку на шее Кассиан узнал — знак гильдии носильщиков из Южных морей, — сидел над кружкой в углу. — Эй, морской, — Кассиан бросил на стол серебряную марку. — Вчера на рассвете. Видел кого-нибудь, кто шел со стороны Шелкопрядильни? Слишком чистые для этого района.

Докер посмотрел на монету, потом на шрамы Кассиана. — Видел, — он икнул. — Двое. Один — шкаф. Морда плоская, нос вдавлен. Шел и улыбался. Второй... второй был странный. Маленький, сгорбленный. Одет в черное, лицо замотано тряпкой. Но дело не в тряпке. От него... холодом тяну-

ло. Прямо в такую жару. Идет по улице, а иней на камнях остается. — Что они несли? — Морриган подалась вперед. — Сундук. Небольшой, окованный. Шкаф его нес одной рукой, как перышко. А этот, в черном... он просто шел рядом. И люди... люди, мимо которых они проходили, останавливались. Просто замирали посреди улицы. Как статуи. А потом трясли головами и шли дальше.

Эссенция. Она уже была в деле. Или вор был настолько опасен, что его тень парализовала волю.

— Куда они пошли? — спросил Кассиан. — К Рынку специй. Свернули в переулок Кривой Ноги. Там есть лавка... «Слезы змеи». Торгуют всякой дрянью. Ядом, сушеными лапками, дурман-травой. Хозяин там — Хорек. Если кто и знает, куда делись эти двое, то только он.

Лавка «Слезы змеи» воняла формалином и дохлятиной. В банках на полках плавали двухголовые телята, заспиртованные василиски и человеческие эмбрионы. Сам Хорек — маленький, юркий человечек с бегающими глазками — при их появлении нырнул под прилавок.

— Я ничего не крал! — заверещал он оттуда. — Все лицензии оплачены! Гильдия травников дала добро на мандрагору! — Мы не от Гильдии, — голос Морриган заставил лавочника вздрогнуть. — Мы ищем двоих. Один большой, один маленький и холодный. Были у тебя вчера?

Хорек медленно выбрался из-под прилавка. Его взгляд метнулся к тесакам Морриган, затем к арбалету Кассиана.

— Были, — прошептал он. — Пришли на рассвете. Шкаф сказал, что им нужен проводник. До Верхнего города. Через Старые катакомбы. — Катакомбы? — Кассиан нахмурился. — Вход в Верхние катакомбы из Шелкопрядов только один. У старой бойни. — Они не пошли к бойне, — Хорек нервно облизнул губы. — Они купили у меня «Паучий шелк». — Это же яд, от которого слепнут, — заметила Морриган. — Не совсем, — Хорек оживился, радуясь возможности поговорить о своем товаре. — Если смазать им веки, он позволяет видеть в абсолютной темноте. И... чувствовать движение воздуха. Шкаф натер им глаза. А тот, в черном... он просто стоял. И я... я вдруг понял, что очень хочу им помочь. Я отдал им ключ от своей задней двери, которая ведет в старую ливневую канализацию. Она выводит прямо к Стене Плача. Там, наверху, аристократические сады.

— Ты отдал ключ? — Кассиан положил тяжелую руку на прилавок. Дерево затрещало. — Почему? — Я не знаю! — взвизгнул Хорек. — Они посмотрели на меня... и я просто... очень захотел быть полезным. Это было так... приятно. Как после хорошей дозы мака, только без тумана в голове. Четкое, ясное желание служить.

Кассиан убрал руку. Эссенция. Они используют ее не для массовых оргий. Они используют ее как отмычку. Один флакон, чтобы пройти через Нижний город, полный головорезов, и никто не поднял тревогу.

— Где выход канализации у Стены Плача? — спросила

Морриган. — Я... я не помню! — всплеснул руками Хорек. — Клянусь! Как только они ушли, чары... или что это было... спали. Я испугался. Я замуровал ту дверь со своей стороны. Но они уже были там, внутри. Они идут вверх.

— В Верхний город, — процедил Кассиан. — К аристократам. — Зарион сказал, что ждал коллекционера, — Морриган задумчиво потерла подбородок. — Но что, если Зарион врет? Что, если он сам должен был передать флакон кому-то в Верхнем городе, а воры просто перехватили посылку? Или... что, если Зарион и есть заказчик, а те двое — его курьеры, которые сошли с ума от Эссенции и решили оставить товар себе?

— В любом случае, они лезут вверх, — Кассиан направился к выходу. — И нам нужно их опередить. — Через канализацию? — Морриган скривилась. — Там дерьмо в три локтя глубиной. — У аристократов сады подходят вплотную к Стене Плача, — Кассиан посмотрел на солнце, клонящееся к закату. — Если мы пойдем по улицам, нас остановит Стража Верхних ворот. Золото Кроули не откроет нам путь в сады герцога де Валорана. А вот веревка с крюком...

Стена Плача отделяла Нижний город от Верхнего не только физически. Это была психологическая граница. Гладкий, отвесный камень высотой в сорок футов, на вершине которого ходили патрули с алебардами. У подножия стены, в тени, всегда собирались нищие, кидающие камни в воду ка-

нала в надежде выловить объедки, которые выбрасывали из богатых домов.

Кассиан и Морриган нашли нужное место там, где стена встречалась с обрывом, ведущим к портовым докам. Место было глухим, заросшим колючим кустарником.

— Канализация выходит здесь, — Морриган указала на массивную чугунную решетку, вросшую в землю. — Но Хорек сказал, что замуровал дверь. Значит, они либо прорубили новый путь, либо... — Либо они уже вышли, — закончил Кассиан.

Он посмотрел вверх. Стена была гладкой, как стекло. Но не для него. Годы, проведенные в портовых трущобах, научили его лазать по отвесным скалам лучше любой обезьяны. — Я поднимусь. Ты обойдешь через Рыбный рынок, там есть старая водонапорная башня, по ней можно перебраться через стену. Встречаемся у фонтана с мраморными девами в саду де Валорана.

— Будь осторожен, — Морриган достала из сумки моток тонкой, но прочной веревки с «кошкой». — Если там аристократия, там будет и магическая защита. Не касайся живых изгородей. Они часто пропитаны ядовитыми чарами.

Кассиан лишь кивнул. Плечо пульсировало болью при каждом движении, но он игнорировал ее. Он вбил крюк в трещину между камнями на уровне своего роста, проверил натяжение и начал подъем.

Подниматься было тяжело. Камни были скользкими от

вечной сырости. Левая рука, обожженная, слушалась плохо. Он подтягивался в основном на правой, вгоняя стальные когти ботинок в малейшие неровности. Внизу, в тридцати футах, плескалась черная вода канала. Падение означало бы верную смерть или плен — Стража на стенах не жаловала лазутчиков.

Он преодолел половину пути, когда его правая нога соскользнула. Кирпич, за который он держался, с глухим стуком упал вниз. Кассиан повис на одной руке. В плече что-то хрустнуло. Он стиснул зубы, нащупал носком ботинка выступ и рванул тело вверх.

Он перевалился через зубчатый край стены за секунду до того, как патруль — двое Стражей в начищенных кирасах — прошел мимо, громко обсуждая достоинства кухарки из таверны «Золотой фазан». Они его не заметили. Верхние Стражи редко смотрели вниз. Зачем? Стена Плача была непреодолима для черни.

Кассиан упал на холодные камни верхней площадки, тяжело дыша. Он достал из-за пояса темный платок и обмотал лицо, оставив только глаза.

Сады герцога де Валорана встретили его тишиной и ароматом роз. Это был другой мир. После смрада и грязи трущоб здесь царила стерильная, выверенная до последнего листочка красота. Стриженные газоны, мраморные статуи, подсвеченные магическими фонарями, и фонтаны, поющие тихие мелодии.

Кассиан превратился в тень. Он двигался от одной живой изгороди к другой, избегая открытых пространств. Он знал повадки аристократов: они любят свою безопасность, но ненавидят смотреть в темноту. Охрана здесь была — он видел тусклые блики на кирасе часового у дальнего павильона — но она была расслаблена. Это была декорация.

Морриган появилась через десять минут. Она возникла из-за ствола старой оливы, словно призрак. Ее лицо тоже было скрыто платком. — Стража на башнях пьет, — доложила она шепотом. — Я отравила их бурдюк с вином. Проснутся с головной болью, но не с пустым разумом. Я использовала сонный дурман, не яд. — Хорошо, — кивнул Кассиан. — След? — След есть. Смотри.

Она указала на идеально ровную дорожку из гравия. На ней виднелись четкие отпечатки. Один — огромный, от тяжелого сапога с квадратным носком. Второй — странный. Он был глубоким, хотя вес несущего сундук гиганта должен был распределяться иначе. И гравий вокруг этого следа был покрыт тонким слоем инея, который не таял в теплом вечернем воздухе.

— Они не прячутся, — прошептала Морриган. — Они идут к главному дому. — Либо они идиоты, либо... — Кассиан принялся.

И он почувствовал это. Сквозь запах роз и ночной фиалки пробивался тот самый аромат. Невыносимо сладкий, пригорный запах жженных фиников и окиси меди. Эссенция. Она

была близко. И ее запах становился сильнее с каждым шагом к особняку.

Они достигли центральной лужайки. Особняк де Валора на возвышался перед ними — трехэтажный монстр из белого мрамора, с колоннами и огромными окнами, задернутыми тяжелыми бархатными шторами.

А на лужайке, прямо под статуей обнаженной наяды, сидели двое.

Гигант поставил сундук на траву и теперь с детским любопытством рвал головки роз, поднося их к лицу и шумно нюхая. Его лицо действительно было плоским, почти безносим, а глаза... Кассиан присмотрелся. Зрачки гиганта были неестественно расширены, занимая всю радужку. Он был под кайфом, но это был не обычный дурман. Это было чистое, незамутненное блаженство идиота.

Второй... второго почти не было видно. Он сидел на краю фонтана. Фигура, закутанная в бесформенный черный балахон. Лицо по-прежнему скрывала ткань. Но Кассиан чувствовал его. От фигуры исходил такой холод, что роса на траве вокруг него превратилась в ледяную корку.

И рядом с ними, на мраморном столике, стоял он. Флакон. Черный хрусталь, внутри — густая, вязкая тьма.

— Берем? — одними губами спросила Морриган. — Я беру тень. Ты — шкаф. — Нет, — Кассиан покачал головой. — Слишком открыто. Если мы просто накинемся на них, кто-то из охраны обязательно успеет подать сигнал. Или, что

хуже, разбить флакон. Капля этой дряни на газон, и весь сад де Валорана завтра пойдет топиться в канале с улыбкой на лице.

— Что предлагаешь? — Ждем. Они здесь не для прогулки. Они кого-то ждут. Или что-то активируют. Смотри на дом.

Окна первого этажа внезапно осветились. Бархатные шторы дрогнули и разошлись. На балкон вышла женщина.

Она была одета в платье цвета слоновой кости. Ее волосы были уложены в сложную высокую прическу, украшенную сапфирами. В руках она держала бокал с вином. Она выглядела как идеальная аристократка, скучающая на приеме.

Но Кассиан видел ее ауру. Даже с такого расстояния он чувствовал запах. От нее несло страхом. И тем самым жженым сахаром.

Женщина подошла к перилам балкона. Гигант внизу радостно замычал и помахал ей оторванной розой. Женщина вздрогнула, но заставила себя улыбнуться. Она поставила бокал на перила. Ее руки дрожали.

— Она под дозой, — прошептал Кассиан. — Смотри на ее глаза. Она не моргает. Они используют Эссенцию на аристократах. — Зачем? — Морриган вглядывалась в балкон. — Шантаж? — Нет. Это не шантаж. Это... управление. Зарион сказал, что Эссенция делает из человека глину. Они лепят из нее что-то. Или кого-то.

Женщина на балконе заговорила. Ее голос был едва слы-

шен, но ветер доносил обрывки фраз. — ...завтра... бал... в честь... помолвки... лорд Валериус... будет доволен...

Лорд Валериус. Кассиан знал это имя. Главный конкурент герцога де Валорана в борьбе за контракт на поставку провианта для армии. Если де Валоран завтра на балу подпишет отказ от контракта в пользу Валериуса, он разорится. А Валериус станет богатейшим человеком в стране.

— Они не крали флакон для продажи, — осенило Кассиана. — Они украли его для *работы*. Зарион — пешка. Или он сам в игре. Женщина на балконе — леди де Валоран. Они промывают ей мозги. Заставляют ее убедить мужа подписать нужные бумаги. А завтра, когда дело будет сделано, они заберут флакон и исчезнут. Или дадут ей еще одну каплю, чтобы она забыла обо всем.

— Значит, мы не просто возвращаем товар, — в голосе Морриган зазвучал опасный, холодный азарт. — Мы срываем заговор. Это стоит дороже пятидесяти империалов. — Это стоит того, чтобы нас попытались убить все разведки города, — хмыкнул Кассиан. — План такой. Я беру на себя гиганта. Он медленный. Ты обходишь фонтан слева. Твоя цель — балахон. Не дай ему коснуться тебя. Если эта тень использует холод так же, как в лавке Хорька, ты превратишься в сосульку раньше, чем успеешь замахнуться. Как только я завалю шкаф, кричи «Пожар!» или что там кричат аристократы, когда хотят паники. Нам нужен хаос. Вырываем флакон, бьем женщину по лицу, чтобы привести в чувство, и уходим

через кухню.

Морриган кивнула.

Кассиан выдохнул, разминая шею. Плечо взорвалось болью. Он взял в левую руку метательный нож — больше для баланса, чем для удара.

Он вышел из тени оливы.

Гигант, увлеченный розой, заметил его слишком поздно. Он повернул свою огромную голову, его блаженная улыбка медленно сползла, сменяясь тупым недоумением. — Ты кто? — пробасил он. — Мне нельзя трогать чужих. Хозяин сказал. — А мне можно, — ответил Кассиан.

Он не стал тратить время на финты. Он бросился вперед, сокращая дистанцию. Гигант поднялся во весь свой устрашающий рост, опрокидывая столик. Флакон подпрыгнул, но балахонщик молниеносным, смазанным движением поймал его в полете и прижал к груди.

Кассиан влетел в гиганта, как таран. Он целил не в грудь — бесполезно. Он ударил плечом в солнечное сплетение, вкладывая в удар всю массу своего тела. Гигант хрюкнул и отступил на шаг.

Кассиан ударил снова, наваливаясь всем весом. Его задача была не убить, а сместить. Оттеснить гиганта от балахонщика, дать Морриган пространство.

— Эй, шкаф! — крикнула Морриган. — Лови!

Она швырнула в лицо гиганту горсть песка из ближайшей кадки с пальмой. Песок — обычный, сухой — попал в гла-

за, которые были смазаны «Паучьим шелком». Реакция была мгновенной. Гигант взвыл. «Паучий шелк» усиливал чувствительность нервов в десятки раз. Для него это было как вогнать раскаленные иглы под веки.

Он замахал руками, пытаясь протереть глаза, совершенно забыв о Кассиане.

Это была ошибка.

Кассиан шагнул в сторону, уходя от слепого замаха огромной лапищи, и нанес удар. Правый тесак вошел гиганту под нижнюю челюсть, пробивая мягкое небо и уходя глубоко в мозг.

Гигант не издал ни звука. Его глаза, красные от песка, удивленно расширились. Он начал медленно оседать, как подрубленный дуб. Кассиан выдернул тесак, отпрыгивая назад, чтобы не попасть под падающую тушу.

В ту же секунду Морриган оказалась рядом с балахонщиком. Тень среагировала. Из рукавов балахона вылетели два тонких, серебристых клинка, похожих на сосульки. Они не отражали свет — они его поглощали.

Морриган не стала блокировать. Она знала, что ее сталь просто примерзнет к оружию врага. Она ушла в перекат, крутясь по гравию, как волчок. Ее тесаки описали широкую дугу снизу. Балахонщик отскочил с неестественной грацией. Но он не учел одного — физики. Там, где он ступал, мрамор трескался от мороза.

Морриган ударила ногой по основанию фонтана. Камен-

ная кладка, промерзшая насквозь от присутствия тени, не выдержала. Кусок мрамора откололся и полетел в балахонщика. Тот небрежно отмахнулся клинком. Камень разлетелся в пыль. Но это движение отвлекло его.

Морриган не стала атаковать в лоб. Она бросила в капюшон горсть медных монет из кошелька на поясе. Тень зашипела. Звук был похож на треск льда. Монеты, пролетая мимо лица балахонщика, покрылись инеем и с жалобным звоном упали на землю.

Этого мгновения хватило. Морриган сократила дистанцию, нырнула под руку с клинком и ударила плечом в корпус. Балахонщик оказался легче, чем выглядел. Он отлетел назад, ударился спиной о балюстраду балкона. Дерево затрещало.

Флакон выпал из его рук. Черный хрусталь покатился по мраморным плитам, подпрыгивая. Кассиан, забыв о боли в плече, рванулся к флакону.

Но он был не первым.

Леди де Валоран на балконе издала странный, булькающий звук. Ее глаза, до этого пустые, вдруг наполнились ужасом и осознанием. Она перегнулась через перила, оттолкнула бокал с вином и, прежде чем кто-либо успел среагировать, прыгнула вниз.

Она не пыталась спастись. Она падала прямо на флаконы. — Нет! — крикнул Кассиан.

Леди врезалась в мрамор. Раздался тошнотворный хруст

костей. Но ее рука, тонкая, униженная кольцами, успела накрыть черный хрусталь.

Тело забилося в конвульсиях. Эссенция, попавшая на кожу из разбитого флакона, начала действовать. Кассиан видел, как лицо аристократки меняется. Ужас в глазах сменился блаженной, идиотской улыбкой. Она села, посмотрела на свою сломанную, неестественно вывернутую ногу, и засмеялась.

— Как... приятно, — прошептала она, глядя на Кассиана.
— Я всегда хотела танцевать.

Балахонщик, оправившись от удара, бросился к ней. Его целью был не флакон. Целью была женщина.

— Стоять! — рявкнул Кассиан, поднимаясь во весь рост.
Он вскинул арбалет. Болт, предназначенный для Кроули, лег на тетиву.

Балахонщик замер. Он медленно повернул скрытое тряпкой лицо к Кассиану.

— Ты не понимаешь, — голос тени был лишен пола и возраста, он звучал как сквозняк в склепе. — Она теперь совершенна. Она свободна от долга. От страха. От смерти. — Она теперь овощ с переломанным позвоночником, — сплюнул Кассиан. — Последний раз. Отойди от нее. Флакон принадлежит моему нанимателю.

Балахонщик издал звук, похожий на смешок. — Твой наниматель — дурак. Он думал, что торгует ядом. А он торговал ключом от новой эры.

Он поднял руку. В ней не было оружия. Он просто сжал кулак.

Кассиан почувствовал, как воздух вокруг него превращается в лед. Температура падала с катастрофической скоростью. Вода в фонтане за его спиной мгновенно замерзла, покрывшись трещинами. Плечо, обожженное и больное, свело судорогой так, что он закричал.

— Морриган! — прохрипел он, чувствуя, как колени подгибаются.

Морриган не стала атаковать тень в лоб. Она атаковала источник холода.

Она выхватила из-за пояса два маленьких стеклянных пузырька с мутной жидкостью. — Эй, сосулька! — крикнула она. — Жарко?

Она швырнула пузырьки под ноги балахонщику.

Стекло разбилось. Содержимое — «Дыхание дракона», редкий алхимический состав, реагирующий с влагой в воздухе — вспыхнуло. Это был не огонь. Это была стена раскаленного пара и кислоты.

Балахонщика окутало белое облако. Раздался оглушительный визг — звук лопающегося от жара льда. Балахон отлетел в сторону, обугливаясь по краям.

Тень вышла из облака. Ее балахон превратился в лохмотья. Лицо... лица не было. Под капюшоном была лишь маска из чистого, потрескивающего голубым светом льда. И в этой маске горели два синих провала глаз, полных нечелове-

ческой ненависти.

— Вы... убили... весну, — прошипела тень.

Она подняла свои клинки-сосульки. Они снова начали расти, вытягиваясь из запястий, превращая руки твари в жуткое подобие ледяных кос.

Кассиан понял, что арбалет не перезарядить. Пальцы не слушались. Он выхватил тесак.

— Сейчас ты узнаешь, что такое лето, — прорычал он.

Он бросился в атаку,

Глава 3. Кровь на мраморных плитах

Ледяной клинок прошел в дюйме от лица Кассиана, обдав его щеку смертельным холодом, от которого онемела кожа. Острие вонзилось в мраморную балюстраду фонтана, и камень с оглушительным треском взорвался, осыпав наемника острыми осколками.

Кассиан перекатился через плечо, игнорируя вспышку боли в обожженном левом боку. Плечо, едва начавшее заживать после «Бархатной клетки», снова превратилось в один сплошной пульсирующий нерв. Он вскочил на ноги, поскользнувшись на замерзшей крови леди де Валоран.

Тварь в балахоне больше не была тенью. Лишившись своего бесформенного одеяния, она оказалась худым, почти истощенным существом с кожей цвета алебастра. Его суставы выгибались под неестественными углами, а вместо крови по полупрозрачным венам, казалось, тек жидкий азот. Ледяные косы в его руках росли с каждым ударом сердца, удлиняясь и заостряясь.

— Вы осмелились сжечь мою зиму, — прошипело существо. Его голос больше не был тихим сквозняком. Теперь это был рев метели в горных ущельях. — Я заберу ваше тепло. Всю. Каплю. За. Каплей.

Он бросился на Кассиана. Это не был человеческий бег. Существо скользило над землей, не касаясь ее ногами, оставляя за собой полосу инея на теплом вечернем воздухе.

Кассиан не стал встречать удар в лоб. Он знал, что его тесак примерзнет к оружию врага, а рука отвалится от локтя. Вместо этого он шагнул в сторону, используя инерцию твари против нее самой, и нанес сокрушительный удар ногой под колено.

Удар был точным. Сухожилие, скрытое под бледной кожей, хрустнуло, как сухая ветка. Существо потеряло равновесие, его скольжение прервалось. Оно рухнуло на колени, но ледяные клинки продолжали описывать смертоносные дуги.

Кассиан рубанул сверху, целя в плечо. Тесак столкнулся с ледяным оружием. Раздался звук, похожий на визг рвущегося металла. Сталь тесака зазвенела, покрываясь сетью трещин от чудовищного перепада температур.

— Морриган! Кислота! — крикнул Кассиан, отскакивая назад, спасаясь от ответного выпада, который оставил бы его без головы.

Морриган не нужно было просить дважды. Пока Кассиан отвлекал внимание ледяного убийцы, она обошла фонтан с другой стороны. В ее руках уже были не тесаки. Она держала два небольших свинцовых шара, покрытых рунами.

— Сгинь в Бездне, отрыжка демонов! — рывкнула она и метнула шары.

Это была не алхимия. Это была чистая, концентрированная скверна — «Желчь подземья», добытая из самых глубоких шахт, где реальность истончалась. Шары летели по дуге. Существо подняло одну из своих ледяных кос, намереваясь отбить их, но Морриган ударила по шарам невидимым кнутом телекинетической энергии — даром, который она открывала лишь в моменты смертельной опасности. Шары изменили траекторию, обогнув клинок, и ударили тварь в грудь.

Взрыва не было. Было поглощение. Свинец соприкоснулся с ледяной плотью, и руны вспыхнули болезненным багровым светом. Существо выгнулось дугой. Его идеальный ледяной торс начал чернеть и плавиться изнутри. Из рта, глаз и ушей повалил густой, вонючий пар.

Тварь рухнула на плиты, сотрясаясь в агонии. Ее конечности дергались, кроша мрамор.

Кассиан, тяжело дыша, подошел ближе. Он занес тесак для контрольного удара, но бить было не во что. Голова существа откинулась назад, и из горла вырвался последний вздох — облако морозного воздуха, которое тут же осело инеем на лице наемника.

Тело начало стремительно таять, превращаясь в лужу грязной, темной воды, в которой плавали ошметки черной ткани.

— Оно мертво, — прохрипел Кассиан, опуская оружие. Его трясло от холода и адреналина. — Что это за дрянь была?

— Порождение Глубинной Зимы, — Морриган опустилась на одно колено, осматривая лужу. — Я думала, они вымерли вместе со Старыми Богами. Или заперты за Льдом. Кто-то очень могущественный спустил на нас цепного пса.

— Нас? — Кассиан сплюнул кровь. — Оно охотилось за флаконом. Или за леди.

Он посмотрел на балкон. Леди де Валоран все еще сидела там, у ее ног. Ее сломанная нога была неестественно вывернута, но на лице застыло выражение абсолютного, неземного покоя. Она смотрела на звезды пустыми глазами. Эссенция забвения спасла ее разум от болевого шока, превратив в блаженного идиота. Она что-то тихо напевала себе под нос, покачиваясь.

— Зарион нас подставил, — сказал Кассиан. — Он знал, что в флаконе не просто зомби-пыль. Там был маяк. Или ключ. Эта тварь пришла за ним. — И она не была курьером, — добавила Морриган, поднимаясь. — Курьеры — те двое, которых мы видели на рынке. Гигант и вор. А это... это был страж. Или жрец.

Внезапно тишину сада разорвал звук охотничьего рога. Резкий, вибрирующий звук, от которого заныли зубы.

— Стража? — Кассиан напрягся. — Слишком быстро. — Это не городская стража, — Морриган обнажила оба тесака. — Это личный гербовый рог Валорана. И он звучит «Тревога. Убийство в доме».

Из-за живой изгороди, окружавшей лужайку, высыпали

люди. Но это были не ленивые патрульные. Это были «Синие Плащи» — личная гвардия герцога. Закованные в полированную сталь, с гербами в виде ледяного феникса на груди. Они двигались с пугающей синхронностью, беря сад в кольцо.

Вперед вышел капитан — седой мужчина с лицом, похожим на топор. Его взгляд остановился на теле леди де Валоран, затем на Кассиане, стоящем над лужей черной воды с окровавленным тесаком.

— Опустите оружие! — голос капитана не терпел возражений. — Именем герцога, вы арестованы за покушение на жизнь леди Элеоноры и убийство... — он запнулся, глядя на лужу, — некой сущности.

— Мы из службы Зариона! — крикнул Кассиан, медленно опуская тесак. — Нас наняли вернуть украденный флакон! Мы только что убили демона, который хотел забрать вашу хозяйку!

— Ваши сказки расскажете дознавателю в подвале, — отрезал капитан. — Взять их. Живыми. Герцог захочет посмотреть в глаза тем, кто устроил бойню в его саду.

Подвалы особняка де Валорана были полной противоположностью его садов. Здесь пахло сыростью, железом и отчаянием. Стены из грубо отесанного камня сочились влагой. Свет давали лишь редкие магические шары, заключенные в клетки из зачарованного железа, чтобы узники не могли их

разбить и использовать осколки.

Кассиана и Морриган разделили.

Кассиан сидел на холодной каменной скамье, прикованный за правую руку к кольцу в стене. Левую руку он прижимал к груди. Ожоги от встречи с балахонщиком и ледяным демоном слились в один сплошной воспаленный ожог. Плечо горело так, словно его натирали солью и уксусом.

Он просидел в темноте, казалось, несколько часов. Время в подземельях течет иначе. Единственным звуком было капанье воды с потолка. *Тук. Тук. Тук.* Словно отсчет до казни.

Дверь со скрипом отворилась. Вошел не тюремщик. Вошел человек, чье появление в казематах было столь же неуместным, как снег в пустыне.

Он был одет в безупречный костюм из черного бархата. На пальцах сверкали перстни. От него пахло дорогим табаком, лавандой и властью. Но самым пугающим были его глаза. Они были абсолютно мертвыми. В них не отражался свет магического шара.

— Вейн, — произнес он, и его голос был лишен всяких эмоций. — Какая неприятная история. Мой сад... мой мрамор. Вы стоите мне целого состояния. — Лоренс, — прохрипел Кассиан. Герцог Лоренс де Валоран подошел ближе, безглаголиво переступив через лужу у входа. — Если ты пришел выбить из меня стоимость цветочной клумбы, то ты выбрал не того наемника. И не тот день. — Я пришел за объяснениями, — герцог остановился в трех шагах от него. — Моя

жена сидит в своих покоях и улыбается стене. Она лепечет о том, как прекрасен холод. Мои лучшие маги-медики говорят, что ее разум выжжен дотла. А в моем саду находят труп ледяной твари и двух... *специалистов* по деликатным делам. — Твою жену промыли Эссенцией, — прямо сказал Кассиан. — Мы вмешались. Мы убрали исполнителя. Мы вернули флакон твоему доверенному лицу — Зариону.

Герцог медленно покачал головой. — Зарион мертв. Его нашли час назад в его лавке. Ему вогнали в глаз его же собственную мерную ложку. И, что самое интересное, флакон, который вы так доблестно «вернули», исчез из его кармана, пока стража осматривала тело.

Кассиан замер. Сеть захлопнулась. — Нас подставили. — Это я уже понял, — герцог де Валоран позволил себе тень улыбки. — Вопрос в том, кто. И зачем. Демоны Глубинной Зимы не приходят в мой сад просто так, чтобы подышать воздухом. Кто-то очень хотел, чтобы моя жена подписала бумаги, передающие монополию на шелк лорду Валериусу. А кто-то другой — вы, я полагаю — очень хотел этому помешать. — Мы хотим выжить, — сказал Кассиан. — И получить остаток оплаты. Пятьдесят империалов. Плюс компенсация за плечо. И за моральный ущерб.

Герцог де Валоран долго смотрел на него. Его мертвые глаза изучали лицо наемника, считывая шрамы, ожоги, усталость. — Ты мне нравишься, Вейн. В тебе нет иллюзий. В отличие от моей жены, которая верила в любовь, или Зари-

она, который верил в свою хитрость. — Где Морриган? — В соседней камере. Она пыталась откусить палец дознавателю. Пришлось выбить ей три зуба. Она тоже мне нравится. — Выпусти нас. Дай нам двадцать четыре часа. Мы найдем того, кто украл флакон во второй раз. И найдем того, кто спустил демона. — Нет, — отрезал герцог. — Вы слишком приметны. Вас ищет Стража за нарушение границ, вас ищут Гильдии за убийство мага, вас ищут люди Валериуса за срыв сделки. Вы — идеальный громоотвод.

Герцог достал из внутреннего кармана ключ. Старый, медный, тяжелый. — Я не могу вас отпустить официально. Это вызовет вопросы у Совета. Но я могу «забыть» запереть вашу камеру. И «случайно» оставить ключ в замке, когда пойду отдавать распоряжения. — Чего ты хочешь взамен? — спросил Кассиан. — Правду, — герцог де Валоран подошел вплотную. — Когда вы найдете того, кто стоит за этим, я хочу знать имя. Не для Совета. Для меня. Валериус — лишь пешка. Демон — лишь инструмент. Кто держит доску? — У нас нет имен. Только запах. — Тогда следуйте за запахом, — герцог вложил ключ в ладонь Кассиана. Кассиан сжал его, чувствуя холод металла. — И, Вейн... Если то, что вы найдете, окажется опаснее, чем гражданская война за шелк... просто уничтожьте это. Мой дом не должен сгореть.

Герцог развернулся и вышел, не оглядываясь.

Кассиан подождал, пока стихнут шаги. Затем он вставил ключ в замок кандалов. Замок щелкнул.

Морриган встретила его в коридоре. Ее левая скула стремительно наливалась багровым, но глаза горели ярче магических шаров. Она сплюнула кровь. — Зубы — это ерунда, — прошипела она. — Но они забрали мои клинки. Это оскорбление, Кассиан. Я им это припомню. — Герцог открыл нам дверь, — Кассиан протянул ей один из тесаков, который спрятал в сапоге перед обыском. Второй, увы, остался у дознавателей. — Он считает, что мы будем искать для него. Он прав. Но искать мы будем для себя. Нам нужно имя Зариона. И нам нужно понять, что за дрянь мы упустили.

Они поднялись из подвалов через черный ход для слуг. В доме царила суматоха. Сновали лекари, плакали служанки, стража прочесывала парк.

Они выбрались в город через кухню, где повар, узнав их, лишь молча кивнул и указал на заднюю дверь. Старая аристократия понимала язык наемников лучше, чем законники.

Ночь в Верхнем городе была холодной. Они шли по широким, освещенным проспектам, стараясь не привлекать внимания. Но их вид — окровавленная, оборванная парочка — вызывал лишь отвращение у прогуливающихся дворян.

— Нам нужно в Нижний город, — сказала Морриган. — В «Пьяный угорь». Там остались наши вещи. И там мы будем в своей стихии. — Сначала заглянем к Хорьку, — возразил Кассиан. — Он сказал, что отдал им ключ от канализации. Но он мог отдать и больше. Например, адрес нанимателя.

Лавка «Слезы змей» встретила их выбитой дверью. Внутри царил разгром. Банки с заспиртованными уродцами были разбиты, их содержимое растеклось по полу зловонными лужами. Хорька нигде не было.

— Его забрали, — Морриган провела пальцем по прилавку, изучая царапины. — Профессионально. Никакого грабежа. Только поиск. — Что они искали? — Кассиан оглядывал помещение. — Записные книги?

Морриган подошла к задней двери, ведущей в переулок. Та была выломана. — Они искали вот это, — она указала на пол.

Там, среди осколков стекла, лежал медный медальон. Простой, потертый. Такие носят курьеры низших гильдий. Но Кассиан узнал его. Он видел его на шее гиганта, когда тот рвал розы в саду.

— Они не просто курьеры, — тихо сказал Кассиан. — Они члены организации. Гильдии. — Какой? — Морриган подняла медальон. На обратной стороне были выгравированы три буквы: «К.О.Т.» — «Коготь», — выдохнул Кассиан. — Я думал, их вырезали пять лет назад. Тайная полиция короля. Ликвидаторы. Люди, которые решают проблемы, которые нельзя решить мечом или судом.

Если за этим стояла «Коготь», то дело принимало государственный оборот. — Нам конец, — констатировала Морриган. — Против государственной тайной службы мы не выстоим. — Против службы — нет, — Кассиан взял у нее ме-

дальон. — Но мы можем сыграть на их поле. Если они убили Хорька, значит, Хорек что-то знал. Или у него осталась страховка. — Какая страховка может быть у торгаша ядами? — Память, — Кассиан посмотрел на нее. — Идем. Нам нужен спиритист. Или некромант. Хорек мертв, но его язык все еще может развязаться.

Они нашли его в Крысином квартале, в подвале сгоревшей аптеки. Брат Иеремия. Он не был ни жрецом, ни лицензированным магом. Он был осквернителем могил и торговцем чужим посмертием.

Иеремия был маленьким, лысым человечком с тонкими, как паучьи лапки, пальцами. Он сидел в круге из соли и костей, бормоча что-то над черепом крысы. — Вейн, — проскрипел он, не поднимая глаз. — Я слышал, ты устроил фейерверк в Верхнем городе. Это вредно для репутации. И для бизнеса. — Мне нужен язык, — Кассиан бросил на стол золотой империал. — Язык торговца по имени Хорек. Его убили сегодня. Чисто.

Иеремия наконец поднял глаза. Он посмотрел на Морриган, на ее разбитое лицо, затем на Кассиана, на его обгоревшее плечо. — Чистая работа «Когтя», — сказал спиритист. — Я чувствую запах их страха на вас. Вы влипли в империю, дети мои. — Мне плевать на империю, — отрезал Кассиан. — Мне нужен Хорек. На три минуты.

Иеремия взял монету, попробовал ее на зуб и сунул в кар-

ман. — Три минуты — это много. Душа только что убитого человека похожа на разорванный парус. Ее треплет ветер. Она не может говорить связно. Но я попробую.

Спиритист расставил вокруг себя свечи из черного жира. В центре он положил медальон «Когтя», снятый с гиганта. — Вещь, которую он касался в момент смерти, — пояснил Иеремия. — Якорь.

Он начал раскачиваться, его голос перешел в монотонное гудение. Тени в подвале сгустились, стали плотными, почти осязаемыми. Воздух похолодел.

Внезапно Иеремия дернулся. Его голова безвольно упала на грудь, изо рта потянулась тонкая струйка слюны. Голос, который раздался из его глотки, был писклявым, испуганным и мертвым. — ...не должны были брать... он сказал... только доставка... — Кто сказал? — спросил Кассиан, делая шаг вперед. — Хорек, кто нанял тебя? — Тень... в плаще... не человек... пахнет пылью... и властью... Он дал ключ... сказал, что в саду... будет демон... забрать товар... если шум... убить всех... — Какое имя? — давила Морриган. — Имя заказчика! — Я не знаю... я не видел... — голос Хорька сорвался на визг. — Но печать... на сундуке... куда они положили флакон... черная... три когтя... и глаз...

Голос затих. Иеремия обмяк. Морриган подхватила его, не давая удариться головой о каменный пол.

— Три когтя и глаз, — повторил Кассиан. — Это не «Коготь». Это что-то другое. — Старая знать, — Морриган вы-

терла пот со лба. — Геральдика. Печать рода, который пресекся лет сто назад. Бароны фон Штейн. Они занимались некромантией. Считались еретиками. Их замок, Черная Скала, стоит заброшенным в Гиблых топях. — Слишком далеко, — покачал головой Кассиан. — Флакон где-то в городе. И наш наниматель, Зарион, мертв.

Он подошел к столу Иеремии. Его взгляд упал на сундук в углу. — Иеремия, — позвал он. — Ты покупаешь вещи у покойников. Сегодня в Верхнем городе убили торговца по имени Зарион. Из дальних земель.

Спиритист, приходя в себя, кивнул. — Слышал. Стража уже приносила опись. Говорят, его выпотрошили. Искали что-то. — Что нашли? — Ничего. Пустые полки. Кроме одного. — Иеремия хитро прищурился. — Сундук. Тяжелый. Заперт на замок с печатью. Стража не смогла открыть, забрали как вещдок. Сдали в городскую сокровищницу, в нижний ярус. Там, где хранят опасные артефакты.

Кассиан и Морриган переглянулись. — Городская сокровищница, — прошептала Морриган. — Это же крепость внутри крепости. Там големы, магические печати, патрули каждые пять минут. — У нас есть ключ, — Кассиан подобрал на ладони медный ключ, который дал им герцог. — Тот, что открыл наши кандалы. Герцог де Валоран — член Совета. У него есть доступ. Или слепки ключей.

— Он нас использует, — сказала Морриган. — Как гончих. — Пусть, — Кассиан убрал ключ. — Пока наши цели

совпадают. Нам нужен флакон, чтобы получить золото. Ему нужен флакон, чтобы не стать пешкой в войне. — А что потом? Когда мы его достанем? Герцог не тот человек, который оставляет свидетелей. — Потом мы исчезнем, — Кассиан направился к выходу. — Идем. Нам нужно навестить лорда Валериуса. Если он стоит за «Когтем» и этим гербом, он должен занервничать. А когда аристократ нервничает, он совершает ошибки.

Особняк лорда Валериуса сиял золотом даже в ночи. В отличие от холодной, надменной архитектуры Валорана, дом Валериуса кричал о богатстве. Лепнина, сусальное золото на карнизах, фонтаны с вином вместо воды.

Бал, прерванный в доме де Валорана, продолжался здесь. Музыка была слышна даже с улицы.

— Мы не можем войти через парадный вход, — сказала Морриган. — Нас узнают. — Мы и не будем, — Кассиан смотрел вверх. — Третий этаж. Окно библиотеки. Лорд Валериус — книжный червь. Он считает, что стены защищают его лучше, чем люди.

Подъем по внешней стене особняка Валериуса был сложнее, чем по Стене Плача. Камень был гладким, скользким от влажности, а плющ, которым он был увит, оказался ядовитым — Морриган обожгла руку, коснувшись листьев.

Кассиан выбил стекло в библиотеке бесшумно, используя смолу и кусок кожи, чтобы осколки не посыпались на пол.

Они проникли внутрь.

Здесь пахло кожей, пылью и дорогим табаком. Но под всем этим Кассиан уловил знакомый аромат. Жженный сахар. Эссенция. Она была здесь. И ее было много.

Они прошли через анфиладу комнат. В доме было тихо — вся прислуга и гости были внизу.

Они нашли его в кабинете. Лорд Валериус сидел в глубоком кресле перед незажженным камином. Он был одет в домашний халат. В руке он держал бокал с бренди.

Он не удивился, увидев их. Он лишь медленно повернул голову. Его глаза были абсолютно пустыми. — Вы... опоздали, — сказал он ровным голосом. — Договор уже подписан. Курьер вылетел в столицу час назад. Герцог де Валоран подписал отказ от претензий. Его жена... она была очень убедительна.

— Где флакон, Валериус? — шагнул вперед Кассиан. — Где Зарион? — Зарион был дураком, — лорд отпил бренди. — Он думал, что контролирует ситуацию. Но «Коготь» не подчиняется приказам. Они служат только... Чистоте. — Какому гербу, Валериус? — Морриган обошла кресло, отрезая путь к двери. — Три когтя и глаз? Бароны фон Штейн?

Валериус улыбнулся. Улыбка была пустой, как у его жены. — Древние. Те, кто понимает истинную природу власти. Власть — это не золото. Власть — это отсутствие воли у тех, кем правят. Эссенция... это дар. Она освобождает людей от мучительного бремени выбора.

Кассиан понял, что они опоздали. Лорд Валериус уже не был заговорщиком. Он был фанатиком. И он был не один.

Из тени за книжным шкафом шагнула фигура.

Это был не демон. Это был человек. Старик в строгом сером сюртуке, с седыми волосами и лицом, изрезанным морщинами. Но его глаза... его глаза были молодыми и горели фанатичным огнем.

— Как неучтиво, лорд Валериус, — произнес старик. — Заводить гостей без моего ведома. — Они ищут флакон, магистр Корвус, — бесцветным голосом ответил Валериус.

Корвус. Имя ударило Кассиана, как молот. Верховный Инквизитор, ушедший в отставку пять лет назад после «небольшого инцидента» с сожжением целого квартала. Человек, который считал магию болезнью, а свободную волю — грехом.

— Флакон уже на пути в Черную Скалу, — сказал Корвус, не обращая внимания на оружие в руках наемников. — Там, где алтарь ждет. Мы очистим этот город, Вейн. Мы сделаем всех... совершенными.

Морриган бросилась на него. Она была быстрее ветра. Но Корвус даже не двинулся с места. Он просто поднял руку.

Воздух перед Морриган сгустился, превращаясь в невидимую стену. Она врезалась в нее на полном ходу. Раздался хруст костей. Морриган отлетела назад, врезавшись спиной в стол, и сползла на пол, оглушенная.

— Твой огонь пылкий, дитя, — сказал Корвус. — Но ты пытаешься сжечь фундамент мира.

Кассиан выстрелил из арбалета. Болт, сорвавшийся с тети, летел прямо в глаз Инквизитору.

Корвус дунул.

Болт изменил траекторию в воздухе. Он описал дугу и вонзился в деревянную панель стены в дюйме от головы Кассиана.

— Как предсказуемо, — вздохнул старик.

Кассиан понял, что магию ему не пробить. Корвус был слишком силен. Оставалось только старое доброе безумие.

Кассиан посмотрел на лорда Валериуса. Пустого, сидящего в кресле. Он бросился не к магу. Он бросился к аристократу.

Корвус усмехнулся, полагая, что наемник решил взять заложника. — Глупец, он даже не почувствует боли, он уже в Раю...

Кассиан не стал хватать Валериуса. Он схватил со стола хрустальный бокал с недопитым бренди.

— Эссенция делает их глиной, — крикнул он Морриган, которая пыталась подняться, держась за сломанное ребро. — Но глина боится огня!

Он швырнул бокал не в Корвуса, а в незажженный камин, прямо в кучу сухих дров и промасленной бумаги для растопки, которую там держали.

Стекло разбилось. Бренди — крепкий, едкий — выплеснулся на дерево.

Кассиан выхватил из-за пояса кресало и огниво.

— Валериус! — заорал он, бросаясь к камину. — Твой халат! Он горит!

Он ударил кресалом. Искры посыпались на пропитанные алкоголем дрова. Пламя вспыхнуло мгновенно. Огонь жадно вцепился в сухое дерево.

Корвус обернулся. Его лицо исказилось от ярости. — Ты смеешь... в моем присутствии...

Он направил на камин руку, готовя заклинание тушения. В этот момент Кассиан, пробегая мимо, схватил с подставки тяжелую бронзовую статуэтку сокола и со всей силы, на которую было способно его избитое тело, швырнул ее в окно.

Стекло с оглушительным звоном разлетелось. В кабинет ворвался ледяной ночной ветер.

Пламя в камине, получив приток кислорода, взревело, превращаясь в огненный столб, устремившийся к потолку.

Корвус закричал. Огонь был его слабостью — он был Инквизитором, он сжег слишком много людей, и теперь первобытный страх перед пламенем парализовал его разум.

— Уходим! — Кассиан подхватил Морриган под мышку. Они прыгнули в разбитое окно.

Ветер подхватил их. Они покатались по крутому скату крыши, обдирая руки о черепицу.

Внизу, во дворе, уже выли собаки и суетилась охрана. Кассиан нащупал ногой водосточный желоб, оттолкнулся и прыгнул на крышу конюшни, оттуда — в переулок.

Они бежали, задыхаясь, пока звуки музыки и набата не

стихли вдали.

Они остановились лишь в порту, среди гниющих сетей и бочек с сельдью. Морриган кашляла кровью, но в ее глазах горел яростный огонь. — Он ушел, — прохрипела она. — Корвус. И флакон ушел. — Валериус мертв, — сказал Кассиан, осматривая ее ребра. — Сгорел заживо. Корвус... Корвус получил по лицу. Он не ожидал огня. — Мы потеряли товар, — Морриган сплюнула. — Мы потеряли золото. Мы разлили «Коготь», Инквизицию и, вероятно, самого короля.

Кассиан посмотрел на свои руки. Они были в ожогах, ссадинах и чужой крови. — Мы не потеряли главное, — сказал он. — Мы знаем имя. Корвус. И мы знаем место. Черная Скала.

— Это самоубийство, — выдохнула Морриган. — Топи, замок, полный фанатиков и, возможно, демонов. — Самоубийство — это сидеть в «Пьяном угре» и ждать, пока «Коготь» придет за нашими головами, — Кассиан поднялся. — Нам нужно снаряжение. Теплые вещи. И лодка.

— У нас нет денег, — напомнила Морриган. — Герцог заплатил нам ключом, который мы уже использовали.

Кассиан усмехнулся. Кровавой, страшной усмешкой. — У нас есть то, что ценится дороже золота в этом городе. — Что? — Информация, — сказал Кассиан. — Мы идем к Барону. Главе Гильдии Воров. Он ненавидит «Коготь» за то, что они убили его брата. А Черная Скала полна сокровищ старых баронов. Барон даст нам людей и лодки. В обмен на

долю в замке.

Морриган посмотрела на пылающий вдалеке, над Верхним городом, сигнальный огонь тревоги. — Мы идем грабить мертвую крепость, чтобы спасти город от безумного инквизитора, — констатировала она. — В моей прежней жизни, в монастыре, мне говорили, что такой путь ведет прямоком в Бездну. — Значит, нам будет о чем поговорить с демонами, — Кассиан накинул на плечи рваный плащ. — Идем. До рассвета нам нужно быть на восточном тракте.

Они растворились в тенях порта, направляясь в Нижний город. Война, начавшаяся с пропажи ребенка в трущобах и украденного флакона, перерастала в нечто большее. В поход против тех, кто решил отнять у людей последнее, что у них осталось — их собственную волю. И Кассиан Вейн, наемник, убийца и выживший, вдруг понял, что впервые за долгие годы сражается не за золото. Он сражался за право людей сходиться с ума самостоятельно.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.